

ПРОБЛЕМА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО БАЗИСА ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА, ПРЕДУСМОТРЕННОГО гл. 40 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.В. Боярская

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

19 октября 2020 г.

Дата принятия в печать –

15 апреля 2021 г.

Дата онлайн-размещения –

25 июня 2021 г.

Ключевые слова

Особый порядок, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, уголовно-процессуальная форма, дифференциация уголовного судопроизводства, упрощение уголовного судопроизводства, уголовно-правовой базис особого порядка, категории преступлений, общественная опасность деяния, степень общественной опасности

Изучается уголовно-правовой базис особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Актуальность исследования обусловлена изменением в июле 2020 г. материально-правового базиса особого порядка. Сейчас соответствующая процедура может применяться только по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Законодателями был преобразован нормативный критерий, очерчивающий границы применения судебного производства, предусмотренного гл. 40 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Сейчас таковым выступает система категорий преступлений. При этом представленная в ст. 15 Уголовного кодекса РФ классификация преступлений нестабильна и основывается на комплексе норм Особенной части Уголовного кодекса РФ, санкции многих из которых не являются научно и практически обоснованными.

CRIMINAL LEGAL BASIS FOR AN EXPEDITED TRIAL PROCEDURE PROVIDED BY THE CHAPTER 40 OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE CODE

Alexandra V. Boyarskaya

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2020 October 19

Accepted –

2021 April 15

Available online –

2021 June 25

Keywords

Expedited trial, the consent of the accused with the charge, criminal procedure form, differentiation of criminal proceedings, simplification of criminal proceedings, criminal legal basis for an expedited trial, categories of crimes, the public danger of the act, the degree of public danger

The subject of study is the criminal-legal basis for an expedited procedure for adopting a court ruling when the accused person agrees with the charge. These issues are relevant, since in July 2020 the substantive legal basis of the expedited procedure in Russia was changed and now this procedure can only be applied in criminal cases of small and medium gravity.

The aim of this work is to study the substantive legal basis of an expedited procedure of litigation from the point of view of the changes were made to it. The author expresses the thesis that the legislators did not quite reasonably link criminal-legal grounds of the expedited procedure with the system of categories of crimes.

The methodology. The author used general scientific methods (dialectical, historical, methods of formal logic, system analysis) as well as method of formal legal interpretation of Russian Criminal Code and judicial decisions of Russian courts.

The main results, scope of application. The criminal and legal basis of certain criminal procedure is a package of criminal law standards, for the implementation of which a certain criminal and procedural form is intended. The parameters of the substantive basis of criminal proceedings are set with the signs that shall be indicated in the Code of Criminal Procedure and may change. It directly refers to the expedited procedure for adopting a court ruling, by Chapter 40 of the Russian Criminal Procedure Code. Initially, it was assumed that the application of this procedure is permissible in criminal cases concerning crimes the pun-

ishment for which does not exceed 5 years imprisonment in accordance with the Russian Criminal Code. The expedited court proceedings began to be applied in criminal cases concerning crimes, the punishment for which does not exceed 10 years imprisonment in accordance with the Russian Criminal Code, since 2003. The Russian Supreme Court made an attempt to reduce the application of court proceedings provided by Chapter 40 of the Russian Criminal Procedure Code in 2019. It turned out to be successful. Legislators have changed the basic criterion that determines the substantive basis for an expedited procedure for adopting a court ruling. Now the system of categories of crimes is this basis. The system of categories of crimes presented in Article 15 of the Russian Criminal Code is not stable enough and is based on a set of provisions of this Code, but the sanctions for many crimes are not scientifically and practically grounded in this Code. In addition, the classification of crimes enshrined in Article 15 of the Russian Criminal Code is based on such a criterion as the nature and degree of public danger of the crime. These categories are among the most complex in the science of criminal law.

Conclusions. The use of categories of crimes as a criterion for determining the criminal legal basis of the expedited procedure for making a court decision significantly complicates the application of the expedited procedure.

1. Постановка проблемы

В качестве объекта исследования в данной статье выступают уголовно-правовые основания особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. В качестве предмета изучения берутся нормативные (т. е. непосредственно закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве) критерии, посредством которых законодатель определяет уголовно-правовой базис особого порядка судебного разбирательства. При этом отметим, что в данной работе понятия «материально-правовой базис» и «уголовно-правовой базис» мы используем как синонимы. Также как взаимозаменяемые рассматриваются такие категории как «уголовно-правовые основания» и «уголовно-правовой базис» определенной процедуры.

Начать соответствующее рассуждение хотелось бы с обращения к высказыванию профессора М.С. Строговича: «Основной тезис, отстаиваемый сторонниками дифференциации, – максимальное упрощение процессуального порядка по простым и ясным делам. В основном это должно касаться дел о преступлениях, не влекущих тяжелых мер уголовного наказания. Но здесь у авторов нет ясности, и подчас упрощение процессуальной формы ими допускается по делам о преступлениях, влекущих лишение свободы на значительные сроки, лишь бы обстоятельства представлялись ясными, вина определенного лица не вызывала сомнений» [1, с. 50].

С того времени, когда была сформулирована соответствующая мысль, прошло почти пятьдесят

лет, однако до сих пор нет определенности в вопросе о том, по каким уголовным делам, с какими существенными свойствами возможно упрощение уголовного судопроизводства. В полной мере указанное утверждение относится к особому порядку принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Изначально предполагалось, что применение соответствующей процедуры допустимо по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, согласно УК РФ, не превышает 5 лет лишения свободы.

После принятия в 2003 году Федерального закона от 04.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ анализируемое судебное производство стало применяться по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, установленное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы.

Уже в 2006 году Верховный Суд РФ вышел с инициативой изменить положения ч. 1 ст. 314 УПК РФ с тем, чтобы ограничить материально-правовой базис особого порядка принятия судебного решения преступлениями небольшой и средней тяжести. В тот период времени соответствующее предложение поддержано не было. В 2019 году Верховный Суд РФ вновь предпринял попытку сократить применение судебного производства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ², и она оказалась успешной. На основе проекта закона № 690652-7 Государственной Думой 07.07.2020 г. был принят в окончательной редакции

¹ Собрание законодательства РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.04.2019 № 8 «О внесении в Государственную Думу Фе-

Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»³. 20.07.2020 г. соответствующий нормативный акт был подписан Президентом РФ и опубликован для всеобщего сведения.

Отметим, что к обсуждаемой проблематике обращалось достаточно много авторов. Так, Т.В. Трубниковой последовательно отстаивается позиция, что, в идеале, упрощенное судебное производство должно применяться по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести. Уже нежелательным является его использование по уголовным делам о преступлениях средней тяжести. Реализация же соответствующей процедуры по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях должна быть запрещена [2, с. 136]. Обозначенная точка зрения разделялась профессором Ю.К. Якимовичем [3, с. 106].

Качалова О.В. убедительно обосновывает сходную позицию, что, по общему правилу, ускоренное судебное производство должно применяться по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести [4, с. 43].

Такие авторы как М.К. Свиридов, А.В. Пиук в своей совместной работе подчеркивают, что «вопрос о категориях преступлений, рассмотрение дел по обвинению в совершении которых возможно производить в особом порядке, будет не столь принципиальным, поскольку ...главное в судопроизводстве – доказанность преступления и справедливость наказания [5, с. 229]. При этом А.В. Пиук уточняет, что предел наказания в десять лет лишения свободы не является фактором, способным сдержать критический рост числа дел, рассматриваемых в особом порядке [6, с. 194].

Опираясь на представленные позиции исследователей, укажем, что рассматриваемая законодательная новелла в целом заслуживает поддержки. Однако содержательное наполнение Федерального закона, в котором она закреплена, способно вызвать определенные вопросы.

2. Материально-правовой критерий дифференциации уголовного процесса

Ключевой для анализируемого Федерального закона является идея связать уголовно-правовой базис особого порядка принятия судебного решения с системой категорий преступлений. При этом значи-

мым является понимание того факта, что максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный уголовным законом за определенные преступления, упоминаемый ранее в ч. 1 ст. 314 УПК РФ, и категории преступлений – это разные признаки, которые можно взять за основу при нормативном закреплении круга деяний, относительно которых может быть применен особый порядок судебного разбирательства. Соответственно, использование указанных несовпадающих критериев при установлении материально-правового базиса особого порядка будет давать разный результат.

Особо отметим, что рассуждения об уголовно-правовом базисе судебного производства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, должны строиться на представленных в теории уголовного процесса положениях о критериях либо основаниях дифференциации. При этом ключевым является вопрос о соотношении материально-правового базиса определенной уголовно-процессуальной процедуры и критериев либо оснований дифференциации уголовно-процессуальной формы в целом, обозначаемых как материальные или уголовно-правовые. Рассмотрим данную проблематику, обратившись к работам авторов, дававших общую характеристику преступлений, при обвинении лица в совершении которых возможно применение упрощенных процедур.

Например, профессор М.С. Строгович, негативно оценивая идею упрощения уголовного судопроизводства, упоминал в данной связи дела о преступлениях, не влекущих тяжелых мер уголовного наказания [1, с. 50].

П.С. Элькинд, рассуждая о критериях усиления дифференциации, также в целом настороженно относясь к данному явлению, говорит о «меньшей» общественной опасности деяния [7, с. 71].

В.Д. Арсеньев упоминает дела о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности [8, с. 63].

А. Гуляевым дифференциация ставится в зависимость от характера и степени общественной опасности преступления [9, с. 65].

Якуб М.Л. уточняет, что «предметом уголовного судопроизводства может быть дело о любых преступных деяниях, существенно отличающихся друг от друга по степени общественной опасности,

Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>.

³ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/690652-7> (дата обращения: 31.08.2020).

юридическим свойствам и характеру фактических обстоятельств. Один порядок судопроизводства необходим для дел, по которым может быть применена смертная казнь и иные тяжкие меры наказания, или для дел большей сложности, другой, более простой порядок – для дел о менее опасных преступлениях и не столь сложных, третий – для дел о мало-значительных преступлениях [10, с. 12].

В более поздней работе данный автор допускает возможность распространить упрощенный порядок, не предполагающий стадии предварительного расследования, на дела о преступлениях, наказание за которые не свыше одного года лишения свободы [11, с. 67].

П. Пашкевич отмечает, что упрощенную процедуру можно применять по делам о явных, очевидных преступлениях, не представляющих большой общественной опасности [12, с. 55].

М.К. Свиридов в качестве материальных оснований дифференциации указывает вид и меру наказания, которые могут быть применены к подсудимому, а также особую общественную опасность обвиняемого, поскольку применение более тяжкого наказания требует более сложной процедуры обсуждения вопроса о нем [13, с. 242].

Ю.К. Якимович в данном случае употребляет термин «уголовно-правовое (материальное) основание дифференциации» уголовного судопроизводства, поясняя, что «упрощенное производство не должно осуществляться по делам о преступлениях с относительно высокой степенью общественной опасности» [14, с. 180].

Т.В. Трубникова, производя анализ критериев и оснований дифференциации уголовного процесса, говорит о степени общественной опасности деяния как о критерии дифференциации [15, с. 101]. При этом Т.В. Трубниковой на примере позиций таких авторов как М.К. Свиридов, М.Л. Якуб демонстрируется, что в интересующем нас случае разные ученые, имея в виду один и тот же критерий дифференциации, раскрывают его своеобразно, с использованием различных признаков [15, с. 101].

Действительно, изучение отличительных черт уголовных дел, относительно которых возможна дифференциация в виде упрощения уголовно-процессуальной формы, имеет достаточно давнюю историю, при этом большинство исследователей, затрагивая соответствующую проблематику, обозначали анализируемые свойства сходным образом, но со своих специфических позиций.

Определяя то же самое явление в наши дни, И.С. Дикарев называет его объективным фактором дифференциации в виде тяжести преступления, определяемой суровостью наказания, следующего за его совершение [16, с. 19].

А.В. Пилюк говорит о малозначительных (по меркам того или иного общества и государства) делах, по которым применяются процедуры, при использовании которых уголовное дело вообще не поступает в суд, либо поступает к судье для своеобразного контроля законности его прекращения на основании договоренностей, достигнутых сторонами [6, с. 102].

О.В. Качалова указывает, что анализ особенностей правового регулирования упрощенного уголовно-процессуального производства в зарубежных странах позволяет заключить, что его применение допускается только по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. Наибольшее упрощение уголовно-процессуальной формы возможно «по уголовным делам о незначительных преступлениях, совершенных в условиях очевидности» [17, с. 32–33].

Как видим, в научной литературе критерии либо основания дифференциации в направлении ее упрощения в РФ и зарубежных странах обычно раскрываются исследователями через термины «малозначительные», «незначительные преступления», «не представляющие большой общественной опасности», «не влекущие тяжелых мер уголовного наказания». Очевидную неопределенность соответствующих категорий, отмеченную еще профессором П.С. Элькиндр [7, с. 71–74], многие авторы пытаются компенсировать указанием на сроки и размеры наказания, следующего за совершение преступлений, либо привязкой к определенной категории преступлений. Используются также такие формулировки как «характер и степень общественной опасности деяния», «степень общественной опасности деяния» и «тяжесть преступления». Последние говорят о тех же свойствах преступлений, которые делают допустимым применение по уголовным делам упрощенных процедур, только напрямую отсылают к соответствующей проблематике в области уголовного права.

Уточним при этом, что, спроецировав представленные рассуждения на действующее уголовное законодательство, можно прийти к выводу о допустимости употребления большинства выделенных терминов и способов конкретизации материального критерия дифференциации, дающих сходный результат. Разумеется, с учетом того обстоятельства,

что в наше время дифференциация уголовного судопроизводства оценивается более позитивно и ее рамки мыслятся как более широкие.

Сделаем лишь оговорку, касающуюся термина «малозначительность», который в действующем УК РФ раскрывается в ч. 2 ст. 14, гласящей, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. То есть, в соответствии с положениями УК РФ, малозначительное деяние не является преступлением и не требует по данной причине дифференциации уголовно-процессуальной формы.

Укажем далее, что некоторые авторы в своих исследованиях пытались установить связь между различными характеристиками, используемыми при описании критериев дифференциации. Так, Ю.К. Якимович, полемизируя с профессором М.К. Свиридовым, указывал следующее: «Наказание... отражает степень общественной опасности преступления, за которое предусмотрено это наказание. Поэтому нет необходимости в качестве уголовно-правового основания дифференциации использовать вид и меру возможного наказания: эти признаки вторичны и зависят от степени общественной опасности преступления» [14, с. 179–180].

Т.В. Трубникова, отмечая вариативность и многоаспектность препарируемого критерия дифференциации, высказывает мысль, что «малозначительность преступления, небольшая степень его общественной опасности, вызывают необходимость применения упрощенных и ускоренных процедур для его расследования и рассмотрения, т.е. являются предпосылкой применения упрощенного производства. Следующие же из небольшой общественной опасности преступления не слишком тяжкие вид и мера наказания, установленные за него законом, делают возможным, допустимым применение упрощенного уголовно-процессуального производства... То есть невозможность назначения сурового наказания является основанием применения упрощенного ...производства в уголовном процессе» [15, с. 101].

Обратившись к толкованию терминов «предпосылка» и «основание», укажем, что под предпосылкой понимается «то, что является условием другого»⁴. «Условие», в свою очередь, есть «то, от чего зависит нечто другое (обусловленное), что делает

возможным наличие вещи, состояния, процесса»⁵. «Основание» – это «суждение или идея, из действительности которых необходимо вытекает действительность др. суждения или идеи (следствия)»⁶.

Таким образом, соглашаясь с предложенной Т.В. Трубниковой трактовкой оснований применения упрощенного производства, отметим, что установление его предпосылок, по нашему мнению, должно оставаться в области возможного, вероятного, но не необходимого. Ведь если бы отдельные нормы уголовного закона и конкретные составы преступлений диктовали строго определенный способ дифференциации уголовно-процессуальной формы, законодатель не смог бы столь существенно менять материально-правовой базис того же особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. И его свойства не были бы настолько дискуссионными.

Подводя итог сказанному, сформулируем, что под материальным критерием дифференциации для целей данной работы мы понимаем свойства закрепленных в Особенной части УК РФ преступлений, по уголовным делам в отношении которых является мыслимым применение упрощенных процедур.

С помощью материального критерия дифференциации мы получаем лишь относительно определенный комплекс уголовно-правовых норм, применительно к которым законодателями может быть принято решение о включении их в материально-правовой базис конкретной упрощенной процедуры.

3. Проблема материально-правового базиса особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением

Далее обратимся к высказыванию профессора Ю.К. Якимовича, приведя его в полном виде, поскольку оно является ключевым для данной статьи: «Руководствуясь материально-правовым основанием дифференциации – степенью общественной опасности преступления, законодатель должен установить различные процессуальные формы по определенным категориям дел. При этом, однако, указанное основание в самом законе должно быть конкретизировано: необходимо сформулировать четкие критерии, которыми и должны руководствоваться работники правоохранительных органов при «выборе» процессуального порядка производства в

⁴ Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 361.

⁵ Там же. С. 469.

⁶ Там же. С. 323.

каждом конкретном случае. В качестве такого критерия можно использовать и вид, и меру наказания (например, упрощенное производство применяется только в тех случаях, когда возможное наказание не превышает одного года лишения свободы), и определенные свойства субъекта, совершившего общественно опасное деяние (рецидивист, особо опасный рецидивист), и другие признаки.

Однако более правильным представляется иной подход: в зависимости от степени общественной опасности все уголовно-наказуемые деяния разбить на определенные группы и для каждой (или нескольких) предусмотреть определенный порядок производства» [14, с. 181].

Представленная цитата значима, поскольку демонстрирует отличие между критериями (основаниями) дифференциации уголовного судопроизводства и материально-правовым базисом конкретной процедуры. Материальные и процессуальные критерии дифференциации позволяют в общем виде определить свойства уголовных дел, относительно которых возможна дифференциация уголовного судопроизводства. Материальные критерии дифференциации при этом должны выделять группы преступлений, правоприменительный процесс в отношении которых допускает дифференциацию.

Тогда как материально-правовой базис конкретной процедуры – это система уголовно-правовых норм, для реализации которых предназначена определенная уголовно-процессуальная форма. Соответствующая система норм образуется с помощью признаков, которые должны быть указаны в законе и могут меняться.

Например, для особого порядка принятия судебного решения ранее таким признаком был максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный УК РФ. Сейчас – категория преступлений.

Обоснована ли подобная замена? Например, такой автор как О.В. Качалова считает ее правильной [4, с. 155]. Попробуем сформулировать собственную позицию по данному вопросу.

Как было указано ранее, Ю.К. Якимовичем высказывалась мысль, что в уголовном законе должна быть представлена определенная классификация преступлений, способная стать основанием для дифференциации уголовного судопроизводства.

При этом Т.В. Трубниковой в работе, написанной уже в период действия актуального УК РФ, отмечается, что положительной стороной действующего уголовного законодательства можно считать закреп-

ление в нем системы категорий преступлений, связанной с максимальным размером наказания в виде лишения свободы, установленным за совершение отдельных общественно опасных деяний [15, с. 99]. При этом ссылку на то, что размер наказания, указанный в законе, может не соответствовать общественной опасности деяния Т.В. Трубникова считает необоснованной [15, с. 100].

Действительно, можно сказать, что появление в актуальном УК РФ системы категорий преступлений стало важным шагом в развитии уголовного законодательства. Профессором Н.Ф. Кузнецовой было указано, что категоризация преступлений обращена, прежде всего, к законодателю, «обязывая его учитывать классификацию преступлений при конструировании уголовно-правовых институтов и норм» [18, с. 287]. Однако она имеет и уголовно-процессуальное значение, о котором упоминал, например, еще А.А. Пионтковский, указывая, что деление преступлений в буржуазном уголовном законодательстве используется для упрощения уголовного процесса [19, с. 54].

В настоящее время оно используется в подобных целях и в нашей стране. При этом необходимо сделать определенную оговорку. Рассуждая об особом порядке принятия судебного решения, многие авторы достаточно давно использовали для описания его особенностей систему категорий преступлений. Но только сейчас законодательно закрепленная классификация преступлений может рассматриваться не просто как средство анализа, а как нормативный критерий, применяемый для определения материально-правового базиса особого порядка судебного разбирательства.

Это является, во-многом, новацией, поскольку, обратившись к системе упрощенных судебных производств уголовного процесса России, можно увидеть, что чаще всего при описании уголовно-правового базиса упрощенных процедур законодатели используют способ в виде простого перечисления составов преступлений, по уголовным делам в отношении которых возможно использование той или иной уголовно-процессуальной формы. Например, дознание в сокращенной форме, производство по уголовным делам частного обвинения.

При использовании положений ст. 15 УК РФ в качестве нормативного критерия определения материально-правового базиса особого порядка, хотелось бы рассчитывать на то, что приведенная в уголовном законодательстве категоризация преступлений в должной мере объективна, общепризнана и

стабильна. Однако, обратившись к указанной норме, можно увидеть, что в нее неоднократно вносились изменения, обоснованность представленной в ней классификации преступлений может подвергаться сомнению, что будет доказано далее.

Таким образом, система категорий преступлений, взятая в ранге предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством критерия, устанавливающего параметры материально-правового базиса особого порядка принятия судебного решения, характеризуется рядом проблемных моментов. Рассмотрим их подробнее.

4. Недостатки системы категорий преступлений как основы определения уголовно-правового базиса судебного производства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ

4.1. Система категорий преступлений не стабильна

Обратившись к федеральным законам, вносящим изменения в ст. 15 УК РФ, можно увидеть, что анализируемая норма не так устойчива и постоянна, как хотелось бы. Она неоднократно подвергалась существенным преобразованиям, последнее из которых было осуществлено только летом 2019 года⁷.

Как менялась с течением времени закреплённая в законодательстве классификация общественно опасных деяний в части преступлений небольшой и средней тяжести, а также тяжких преступлений?

В первоначальной редакции УК РФ 1996 года говорилось, что преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает двух лет лишения свободы.

Преступлениями средней тяжести являлись умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, установленное законом, не превышает пяти лет лишения свободы.

Тяжкими преступлениями – умышленные и неосторожные деяния, допускающие наказание, не превышающее десяти лет лишения свободы.

Уже Федеральным законом от 09.03.2001 № 25-ФЗ⁸ в систему категорий преступлений вносятся изменения.

Во-первых, преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание превышает два года лишения свободы. Во-вторых, исключается отнесение неосторожных преступлений к тяжким по своей категории.

Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ⁹ вносит в ст. 15 УК РФ уже три существенные корректировки.

Во-первых, к преступлениям небольшой тяжести теперь относятся умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает трех лет лишения свободы.

Во-вторых, преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное уголовным законом, превышает три года лишения свободы.

В-третьих, суду предоставляется возможность изменять категорию преступлений, что порождает такое явление как «судебная категоризация преступлений» [20, с. 43].

В настоящее время, после принятия и вступления в силу Федерального закона от 17.06.2019 № 146-ФЗ, преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает трех лет лишения свободы.

Преступлениями средней тяжести являются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное нака-

⁷ Федеральный закон от 17.06.2019 № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2019, 19 июня.

⁸ Федеральный закон от 09.03.2001 № 25-ФЗ (ред. от 08.12.2003) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные

акты Российской Федерации» // Российская газета. 2001, 14 марта.

⁹ Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011, 9 декабря.

зание, предусмотренное УК РФ, не превышает десяти лет лишения свободы.

К тяжким преступлениям относят умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает десяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает пятнадцати лет лишения свободы.

Как видим, законодатели не могут определиться, во-первых, с верхним пределом наказуемости преступлений, относимых к интересующим нас категориям. Во-вторых, проблемным вопросом является классификация и оценка характера и степени общественной опасности неосторожных преступлений. В-третьих, категория преступлений становится величиной не абсолютной, а относительной, зависящей не только от предписаний закона, но и от усмотрения правоприменителя. В-четвертых, законодатели возвращаются к ранее отвергнутому решению в вопросе о возможности отнесения неосторожных преступлений к категории тяжких, что говорит об отсутствии единого системного подхода к формированию видов преступлений в уголовном законе.

При этом фактор нестабильности системы категорий преступлений с неизбежностью порождает неустойчивость уголовно-правового базиса особого порядка принятия судебного решения. И на сегодняшний день это уже имело место. Так, Федеральным законом от 17.06.2019 № 146-ФЗ за пределы сферы действия гл. 40 УПК РФ были выведены неосторожные тяжкие преступления, наказания за которые превысило десять лет лишения свободы, в частности, предусмотренные ч. 2.1, 4 ст. 263, ч. 4, 6 ст. 264 УК РФ.

То есть, последние изменения, внесенные в ст. 15 УК РФ, будучи проецируемы на материально-правовой базис особого порядка судебного разбирательства того же периода времени, позволяли сказать, что им являются все преступления небольшой и средней тяжести, все тяжкие умышленные преступления, и лишь те неосторожные тяжкие преступления, наказание за которые, установленное УК РФ, не превышает десяти лет лишения свободы. Поправки, внесенные Федеральным законом от 17.06.2019 № 146-ФЗ, привели к временному рассогласованию границ уголовно-правового базиса осо-

бого порядка и системы категорий преступлений. В настоящий момент данное расхождение устранено, судебное производство, предусмотренное гл. 40 УПК РФ, применяется только в отношении преступлений небольшой и средней тяжести. А система категорий преступлений из средства анализа материально-правового базиса особого порядка превращается в непосредственный нормативный критерий, задающий его параметры.

Однако есть вероятность, что текущая классификация преступлений не окончательна. Например, впоследствии анализируемая статья уголовного закона может быть дополнена категорией уголовного проступка. Верховным Судом РФ даже предпринимались конкретные шаги с тем, чтобы добиться включения в ст. 15 УК РФ указанного понятия: для этой цели в декабре 2018 года в Государственную Думу был внесен проект закона № 612292-7, согласно которому под уголовными проступками предлагалось понимать преступные деяния, за совершение которых не предусмотрено наказание в виде лишения свободы¹⁰.

Как представляется, последствия введения рассматриваемой категории для дальнейшей дифференциации уголовного судопроизводства трудно предсказуемы. Ее закрепление в уголовном законе может потребовать коренной перестройки системы упрощенных производств уголовного процесса России, на что обращают внимание О.В. Качалова [17, с. 32], Ю.А. Тимошенко [21, с. 113], В.Н. Сизова [22, с. 20].

При этом в теории уголовного права нет единства мнений относительно того, что должен представлять собой уголовный проступок, следует ли включить его в систему категорий преступлений либо выделить в качестве отдельной разновидности противоправных деяний, неясно каким должно стать соотношение проступков и административных правонарушений [23–26].

Высказывается также позиция, что «именно назначаемое судом, а не предусмотренное законодателем в санкции наказание является мерилom общественной опасности конкретного уголовно наказуемого деяния и лица, его совершившего. В связи с этим не должны ставиться в неравное положение два лица, осужденные к одинаковым наказаниям, не связанным с лишением свободы, только потому, что в санкции уголовно-правовой нормы, описывающей

¹⁰ Система обеспечения законодательной деятельности URL.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 31.08.2020)

деяние одного из них, указано лишение свободы, а в санкции нормы, описывающей деяние другого, – нет» [25, с. 114].

Вероятность включения в УК РФ в том или ином виде понятия уголовного проступка представляется достаточно высокой. Причина тому – возможность достижения за счет соответствующего законодательного решения большей процессуальной экономии и оптимизации нагрузки судей, что профессор В.Л. Головкин обоснованно указал в качестве главной идеи соответствующего законопроекта Верховного Суда РФ [27, с. 134–135].

Принятие Федерального закона «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» с неизбежностью приведет к увеличению расходов на уголовное судопроизводство, следовательно, ожидаемым будет обращение законодателя к предложениям, способным компенсировать данное обстоятельство.

Укажем также, что идея внедрить в уголовный закон категорию уголовных проступков обсуждается достаточно давно. По указанному вопросу высказывался, например, профессор М.С. Строгович, отмечая, что отказ от единого понятия преступления и выделение из преступлений правонарушений, именуемых уголовными проступками, приведет к разрушению главного материально-правового основания единства уголовно-процессуальной формы – единства понятия преступления [1, с. 52–53].

О единстве уголовно-процессуальной формы и о ее самодовлеющем значении в настоящее время говорить уже не приходится. Тем не менее, дифференциация уголовного судопроизводства должна быть поставлена в определенные научно обоснованные рамки. Тогда как возможное формирование института уголовного проступка способно придать ей новый импульс и новое направление. Хотя актуальным было бы вместо введения очередных новелл устранить системные противоречия и пробелы, характерные для имеющейся системы преступлений и уголовно-процессуальных процедур, обеспечив соответствие отечественного уголовного судопроизводства, как верно было указано профессором В.А. Азаровым, исторически сформировавшимся канонам [28, с. 49].

4.2. Санкции отдельных статей Особенной части УК РФ могут быть не вполне научно и практически обоснованными

Обратившись к классикам правовой науки, отметим, что профессор Н.Д. Дурманов указывал: «Советское законодательство, включая и уголовное, ба-

зируется на подлинной науке – марксистско-ленинском учении об обществе, что дает ему возможность безошибочно определять опасность тех или иных деяний и степень этой опасности» [29, с. 131].

Современный законодатель не может быть уверен в столь высокой оценке результатов своей деятельности со стороны ученых. Например, Ю.А. Тимошенко обоснованно отмечает, что «санкции многих статей уголовного закона далеки от совершенства. С момента введения в действие Уголовного кодекса РФ они подвергались многочисленным изменениям, которые зачастую носили «шаблонный» характер, нередко были связаны с введением в действие вида наказания, пересматривались верхние и нижние границы. При этом не всегда прогнозировалась эффективность применения того или иного вида наказания за совершенное преступление, не учитывались криминологические данные о лицах, совершающих конкретные преступления» [21, с. 113–114].

Ужесточение наказания за отдельные транспортные преступления, осуществленное летом 2019 года, было названо таким автором как Г.К. Буранов «пенализационным безумием» [30, с. 19].

Авторы монографии «Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства» говорят о том, что новые уголовные законы принимаются настолько поспешно, что это порождает «утрату адекватности устанавливаемых санкций» [31, с. 40]. Также ими формулируется вывод о «снижении дееспособности уголовно-правового правоприменения» [31, с. 40].

Приведенные цитаты свидетельствуют о глубочайших системных противоречиях в сфере уголовного права, касающихся процессов криминализации и пенализации, образовавшихся уже достаточно давно. Так, еще профессор П.С. Элькин указывала, что «одно лишь предусмотренное законом наказание за то или иное преступление не всегда характеризует степень общественной опасности конкретного преступного проявления» [7, с. 74].

Но если мы исходим из того, что ставим под сомнение логичный и объективный характер санкций статей Особенной части УК РФ, то, следовательно, будет спорным и причисление отдельных преступлений к указанной в законе категории. Отсюда, в свою очередь, вытекает сомнение в правильности определения круга преступных деяний, в отношении которых возможно применение особого порядка принятия судебного решения.

В теории уголовного процесса высказывается точка зрения, что тяжесть преступления является объективным свойством, диктующим дифференциацию уголовного судопроизводства. Как указывает И.С. Дикарев, «тяжесть преступления определяет суровость наказания, применяемого за его совершение. Чем строже уголовная ответственность, тем больше усилий должно прилагаться для недопущения следственных и судебных ошибок, могущих привести к осуждению невиновного» [16, с. 19].

Соглашаясь в целом с позицией автора, отметим лишь, что тяжесть преступления определяется характером и степенью общественной опасности деяния. Общественная опасность, объективная по своей природе [18, с. 267; 33, с. 274], по своему содержанию объективно-субъективна, поскольку зависит и от субъективных свойств деяния [18, с. 268]. Кроме того, она исторически изменчива [29, с. 110], а также становится признаком преступления лишь после (субъективной) оценки ее законодателем [18, с. 267–268]. По данной причине, думается, что тяжесть преступления, нашедшая свое отражение в предусмотренном законом наказании, есть свойство объективно-субъективное, и, следовательно, не может обуславливать формирование фактора дифференциации исключительно объективного характера. Указанное явление будет также иметь объективно-субъективную природу.

Следовательно, для более четкого и научно обоснованного установления материально-правового базиса особого порядка принятия судебного решения необходимо провести работу «подготовительного» характера: такой работой должна стать проверка с приведением в логичный, системный вид санкций норм Особенной части УК РФ, прежде всего, закрепляющих составы преступлений небольшой и средней тяжести, на предмет их соответствия характеру и степени общественной опасности соответствующих преступлений.

В анализируемой ситуации проблемы, свойственные для уголовного права РФ, с неизбежностью становятся и проблемами уголовно-процессуального права, поскольку материально-правовые основания дифференцированных процедур являются важнейшей точкой соприкосновения материального и процессуального уголовного права. И решать обозначенные спорные вопросы необходимо в совокупности, с учетом глубочайших системных связей между соответствующими отраслями права.

4.3. Нормативный критерий, определяющий параметры уголовно-правового базиса гл. 40 УПК РФ, усложняется

Основание, на котором строится классификация преступлений, приведенная в ст. 15 УК РФ, является внутренне сложным. Сама по себе общественная опасность – одно из самых многогранных понятий в теории уголовного права. При первом приближении ее можно трактовать как вредоносность деяния, его способность причинять вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом [29, с. 96–97, с. 160; 18, с. 266; 33, с. 14]. Общественная опасность раскрывается через показатели ее характера и степени. Вопрос о том, какие признаки влияют на их установление является в рамках уголовного права не менее проблемным, нежели вопрос о сущности общественной опасности как признака преступления [34; 35, с. 242–243; 36, с. 112–116].

Обратим внимание на то обстоятельство, что общественная опасность деяния, взятая в историческом аспекте как материальный признак преступления, далеко не всеми авторами воспринимается положительно. Высказывается точка зрения, что, будучи противопоставляемо формальному понятию преступления, его материальное определение в советский период времени позволяло оправдывать применение института аналогии уголовного закона, нормативно закрепленного в УК РСФСР 1926 г., вступало в противоречие с принципом законности, служа предпосылкой для расширения пределов наказательной власти государства [33, с. 14–15; 37, с. 70].

Получается, что законодатели, определяя уголовно-правовой базис особого порядка принятия судебного решения с помощью системы категорий преступлений, раскрывают одно сложное явление через еще более многогранное и проблематическое, к тому же обремененное неоднозначной историей, – общественную опасность деяния.

Однако, несмотря на абстрактный характер заявленного классификационного критерия, фактически категории преступлений выделяются в зависимости от максимального срока наказания в виде лишения свободы и формы вины. При этом именно предусмотренный законом срок лишения свободы называют «индикатором» общественной опасности деяния [35, с. 238].

Рассуждая далее, отметим, что, вводя новый критерий, определяющий параметры уголовно-правового базиса особого порядка принятия судебного решения, нельзя игнорировать такой фактор, реша-

ющим образом воздействующий на дифференциацию уголовного судопроизводства, как не слишком тяжкий характер последствий применения определенной процессуальной формы для лица, совершившего преступление [15, с. 113].

Как следует из сказанного выше, характеристики преступлений, относительно которых возможно применение особого порядка судебного разбирательства или иного упрощенного производства, определяются по-разному. Очень точно данное обстоятельство было отражено профессором П.С. Элькиндр в работе еще 1976 года. Так, названный автор при анализе признаков, дающих основание для осуществления дифференциации уголовного судопроизводства, указывает, что сторонники внедрения в уголовный процесс различных форм суммарных производств ссылаются на меньшую степень общественной опасности определенных преступлений. Однако этот критерий недостаточно конкретен. Поэтому, как указывает П.С. Элькиндр, такие ученые как М.Л. Якуб, Р.Д. Рахунов предлагали уточнить соответствующий параметр и допускали упрощение процессуальных форм уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, наказание за которые, например, не превышает одного года лишения свободы. Однако и критерий небольшой общественной опасности деяния, и критерий определенной меры наказания были признаны автором не вполне точными и объективными [7, с. 68–74].

Как видим, при определении материального основания дифференциации и, соответственно, вытекающего из него уголовно-правового базиса особого порядка принятия судебного решения, акцент может делаться на свойствах вредоносности самого деяния, позволяющих отнести его к определенной классификационной группе, либо предусмотренных законом уголовно-правовых последствиях его совершения. Данную тенденцию проиллюстрировал в своем исследовании А.В. Пилюк, анализируя работы таких авторов как М.Л. Якуб и М.К. Свирдов 80-х годов [6, с. 154–155]. При этом и в том и в другом случае при установлении границ материально-правового базиса анализируемой процедуры неизбежна доля субъективизма.

Если обратиться к ст. 15 УК РФ, можно увидеть, что объединенные в одну категорию, т.е. близкие по характеру и степени общественной опасности преступления, могут наказываться по-разному. Сама по себе классификация преступлений, представленная в указанной норме, спорна и внутренне противоречива, что во многом связано со сложным и неодно-

значным характером классификационного критерия, взятого за основу при ее построении. И теперь все проблемы, связанные с выделением видов преступлений в уголовном законе, еще более активно будут влиять на сферу уголовного судопроизводства.

Например, преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает десяти лет лишения свободы. То есть, преступления, отнесенные законодателем к одной категории, предполагают разницу в максимальном наказании в виде пяти лет лишения свободы. При этом, по идее, деление преступлений в соответствии с санкцией должно предполагать результат в виде четкого обособления одной группы преступлений от другой [38, с. 11]. Достижение данной цели в настоящее время сомнительно, поскольку границы таких групп преступлений как преступления небольшой и средней тяжести, тяжкие преступления, становятся все более нестабильными и неоднородными.

Заострим внимание на том, что верхний предел наказуемости преступлений средней тяжести является не единым, а дифференцированным для преступлений, совершенных с умыслом и по неосторожности. Таковым он выступает теперь и для целей гл. 40 УК РФ. Хотя ранее верхний предел наказуемости деяний, относительно которых возможно применение особого порядка, был сформулирован в ч. 1 ст. 314 УК РФ как общий, будучи установлен на спорном уровне в десять лет лишения свободы.

Получается, если возможность применения к конкретному преступлению упрощенной процедуры может быть задана двумя разными факторами: вредоносностью самого общественно опасного деяния и классификационной группой к которой оно отнесено, либо правовыми последствиями его совершения, то при принятии Федерального закона от 20.07.2020 № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» при установлении нормативного критерия, определяющего уголовно-правовой базис особого порядка, акцент с правовых последствий совершения преступного деяния был перенесен на свойства общественной опасности преступления, позволяющие его отнести к определенному виду.

При этом разница в пять лет в максимальном наказании в виде лишения свободы, установленная

для преступлений одной классификационной группы, даже с учетом применения положений ч. 5 ст. 62 УК РФ, для гл. 40 УПК РФ представляется чрезмерной. Правильнее всего было бы применять особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный гл. 40 УПК РФ, по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное УК РФ, не превышает пять лет лишения свободы, то есть, вернуться к ранней редакции ч. 1 ст. 314 УПК РФ.

Также отметим, что, несмотря на огромное значение системы категорий преступлений, совсем не обязательно, чтобы дифференциация уголовного процесса напрямую зависела именно от нее, если приведенная в ст. 15 УК РФ классификация общественно опасных деяний является спорной и противоречивой. Например, к тому же выводу, только в сфере криминалистики, приходит такой автор как Н.В. Карепанов [39, с. 164].

5. Выводы

Подводя итог изложенному, укажем следующее:

1. Под материальным критерием (основанием) дифференциации можно понимать свойства преступлений, по уголовным делам в отношении которых являемся мыслимым применение упрощенных процедур.

Соответствующие свойства с использованием различных терминов отражают сравнительно невысокую степень общественной опасности некоторых преступных деяний.

С помощью материального критерия дифференциации мы получаем относительно определенный комплекс уголовно-правовых норм, применительно к которым законодателями может быть принято решение об отнесении их к материально-правовому базису конкретного упрощенного уголовно-процессуального производства.

2. Критерии либо основания дифференциации (материальные и процессуальные в своей совокупности) позволяют в общем виде определить характеристики уголовных дел, относительно которых потенциально возможна дифференциация уголовного процесса. Тогда как материально-правовой базис конкретной процедуры – это система уголовно-правовых норм, для реализации которых непосредственно предназначена определенная уголовно-процессуальная форма. Указанная система норм формируется с помощью признаков, которые указаны в законе и могут меняться с течением времени.

Например, для особого порядка принятия судебного решения ранее таким признаком был максимальный срок наказания в виде лишения свободы. Сейчас – категория преступлений.

3. В настоящее время, в соответствии с ч. 1 ст. 314 УПК РФ, к материально-правовому базису особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением относятся только нормы, устанавливающие уголовную ответственность за преступления небольшой и средней тяжести. Оценивая в целом положительно идею сокращения уголовно-правового базиса особого порядка, следует понимать, что Федеральный закон от 20.07.2020 № 224-ФЗ «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» направлен на замену нормативного критерия, определяющего круг уголовно-правовых норм, на применение которых рассчитана процедура, предусмотренная гл. 40 УПК РФ. Акцент отныне перенесен на характеристики вредоносности самого деяния, по сравнению с фактором его наказуемости.

4. При использовании классификации преступлений, содержащейся в ст. 15 УК РФ, в качестве основы, очерчивающей уголовно-правовой базис особого порядка, хотелось бы рассчитывать на то, что приведенная в уголовном законодательстве категоризация преступлений в должной мере объективна, общепризнана и постоянна. Однако, обратившись к указанной статье, можно увидеть, что в нее неоднократно вносились изменения, обоснованность представленной в ней классификации преступлений может подвергаться сомнению.

Таким образом, система категорий преступлений, взятая в ранге нормативного критерия, задающего параметры уголовно-правового базиса особого порядка принятия судебного решения, характеризуется рядом проблемных моментов.

5. Наиболее значимым из них является тот, что система категорий преступлений нестабильна, она неоднократно подвергалась существенным преобразованиям, последнее из которых было осуществлено только летом 2019 года. И, скорее всего, ее ждет дальнейшее реформирование: вполне вероятным является включение в ст. 15 УК РФ понятия уголовного проступка. Введение обозначенной категории способно придать новый импульс дифференциации уголовного судопроизводства в сторону ее упрощения и привести к перестройке сложившейся системы уголовно-процессуальных производств.

6. Кроме того, санкции отдельных статей Особенной части УК РФ могут быть не вполне научно и практически обоснованными, при этом они выступают предпосылкой для отнесения преступного деяния к определенной категории преступлений.

Следовательно, для более четкого и научно обоснованного установления уголовно-правового базиса особого порядка принятия судебного решения, необходимо провести работу «подготовительного» характера: такой работой должно стать приведение в логичный и непротиворечивый вид санкций норм Особенной части УК РФ, прежде всего, о преступлениях небольшой и средней тяжести.

7. Нормативный критерий, взятый за основу при определении уголовно-правового базиса гл. 40 УПК РФ, усложняется.

Основание, на котором строится классификация преступлений, приведенная в ст. 15 УК РФ, является комплексным. Категория преступления определяется характером и степенью общественной опасности деяния. Общественная опасность – одно из самых многогранных понятий в теории уголовного права. Получается, что законодатели, определяя уголовно-правовой базис особого порядка принятия судебного решения с помощью системы категорий преступлений, раскрывают одно сложное явление через другое, еще более проблематическое, к тому же обремененное неоднозначной историей своего формирования, – общественную опасность деяния.

Представленная в ст. 15 УК РФ система категорий преступлений, основанная на столь сложном критерии, также является спорной и внутренне противоречивой. Сказанное можно проиллюстриро-

вать, обратившись к группе преступлений средней тяжести, которая с очевидностью является внутренне неоднородной. Разница в пять лет в максимальном наказании в виде лишения свободы, установленная для преступлений одной классификационной группы, даже с учетом применения положений ч. 5 ст. 62 УК РФ, для целей судебного производства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, представляется чрезмерной.

8. Возвращаясь к началу данной статьи и высказыванию профессора М.С. Строговича, можно сказать, что с течением времени ситуация с критериями дифференциации уголовного судопроизводства остается столь же сложной и спорной. Даже критерии упрощения уголовного судопроизводства, обозначаемые как объективные, допускают субъективизм, они недостаточно конкретны и исторически изменчивы.

Поддерживая в целом идею сокращения уголовно-правового базиса особого порядка принятия судебного решения, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что по-прежнему остаются вопросы к ее нормативному воплощению. Думается, изменения, внесенные в ст. 314 УПК РФ, делают уголовно-правовой базис особого порядка более приемлемым по своим пределам, но менее стабильным.

Полагаем, правильнее всего было бы применять анализируемую процедуру по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное УК РФ, не превышает пять лет лишения свободы. То есть, вернуться к ранней редакции ч. 1 ст. 314 УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Строгович М. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации / М. Строгович // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 50–53.
2. Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса / Т.В. Трубникова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12 (61). – С. 131–139. – DOI: 10.17803/1994-1471.2015.61.12.131-139.
3. Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству / Ю.К. Якимович // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 2. – С. 105–110.
4. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук / О.В. Качалова. – М., 2016. – 482 с.
5. Свиридов М.К. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации / М.К. Свиридов, А.В. Пиук. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019. – 348 с.
6. Пиук А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Пиук. – Томск, 2017. – 469 с.
7. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькинд. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета. 1976. – 143 с.

8. Арсеньев В. Упрощение неравнозначно упрощенчеству / В. Арсеньев // Социалистическая законность. – 1975. – № 3. – С. 63–64.
9. Гуляев А. Единый порядок предполагает дифференциацию / А. Гуляев // Социалистическая законность. – 1975. – № 3. – С. 64–65.
10. Якуб М.Л. О совершенствовании уголовно-процессуального законодательства / М.Л. Якуб // Вестник Московского университета. Серия X: Право. – 1964. – № 2. – С. 11–19.
11. Якуб М. Порядок уголовного судопроизводства следует дифференцировать / М. Якуб // Социалистическая законность. – 1975. – № 1. – С. 66–67.
12. Пашкевич П. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать / П. Пашкевич // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 54–56.
13. Свиридов М.К. О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса / М.К. Свиридов // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. – Томск, 1987. – С. 241–242.
14. Якимович Ю.К. Структура уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства / Ю.К. Якимович // Избранные труды. – СПб. : Юридический центр-Пресс, 2011. – 772 с.
15. Трубникова Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств / Т.В. Трубникова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1999. – 132 с.
16. Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы ее обуславливающие / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 18–21.
17. Качалова О.В. Рационализация производства по уголовным делам: требования времени / О.В. Качалова // Судья. – 2017. – № 4. – С. 29–33.
18. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Коробеева. Т. I. Преступление и наказание. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 1133 с.
19. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: в 6 т. Общая часть. Т. II. Преступление / А.А. Пионтковский. – М. : Наука, 1970. – 516 с.
20. Смирнов М.А. Новые функции суда, возникшие в силу части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации / М.А. Смирнов // Российский судья. – 2019. – № 12. – С. 42–45.
21. Тимошенко Ю.А. Уголовный проступок: способ межотраслевого сближения или дифференциации уголовной ответственности? / Ю.А. Тимошенко // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 112–115.
22. Сизова В.Н. Некоторые аспекты необходимости закрепления категории «уголовный проступок» в российском уголовном законодательстве / В.Н. Сизова // Российская юстиция. – 2020. – № 3. – С. 19–22.
23. Кадников Н.Г. Категоризация преступлений в зависимости от их тяжести как основа построения многих институтов общей части уголовного права / Н.Г. Кадников // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 59–61. – DOI: 10.24411/2073-0454-2018-10025.
24. Наумов А.В. Уголовный проступок как преступление небольшой тяжести / А.В. Наумов // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 93–97.
25. Ткачев И.О. Законодательная инициатива Верховного Суда Российской Федерации об уголовном проступке: критический взгляд / И.О. Ткачев // Российский юридический журнал. – 2018. – № 6. – С. 108–116.
26. Палий В.В. Преступление и проступок: проблемы соотношения / В.В. Палий // Lex russica. – 2017. – № 7. – С. 112–124. – DOI: 10.17803/1729-5920.2017.128.7.112-124.
27. Головкин Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека / Л.В. Головкин // Закон. – 2018. – № 1. – С. 127–136.
28. Азаров В.А. Деструктивные факторы стратегии развития уголовно-процессуального законодательства России / В.А. Азаров // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 33. – С. 49–59. – DOI: 10.17223/22253513/33/5.
29. Дурманов Н.Д. Понятие преступления / Н.Д. Дурманов. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1948. – 311 с.
30. Буранов Г.К. Адекватное воздаяние или пенализационное безумие? / Г.К. Буранов // Транспортное право. – 2019. – № 4. – С. 19–23.

31. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / И.С. Власов, Н.А. Голованова, А.А. Гравица и др. ; отв. ред. В.П. Кашепов. – М. : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. – 280 с.
32. Наумов А.В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. – Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 736 с.
33. Алакаев А.М. Понятие преступления (формы и виды) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.М. Алакаев. – М., 1992. – 24 с.
34. Воронин В.Н. Индивидуализация наказания с учетом характера и степени общественной опасности / В.Н. Воронин // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 113–122. – DOI: 10.12737/22199.
35. Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России : дис. ... д-ра юрид. наук / Н.Г. Кадников. – М., 2000. – 349 с.
36. Непомнящая Т.В. Учет судами общих начал назначения наказания при избрании меры наказания / Т.В. Непомнящая // Lex russica. – 2017. – № 12. – С. 110–123.
37. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность : монография / Т.Г. Понятовская. – Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 1994. – 140 с.
38. Онгарбаев Е.А. Классификация преступлений и ее уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Онгарбаев. – М., 1990. – 21 с.
39. Карепанов Н.В. Влияние парадигмы криминалистики на правоприменительную деятельность / Н.В. Карепанов // Правоприменение. – 2020. – Т. 4. – № 3. – С. 158–167. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3). 158-167.

REFERENCES

1. Strogovich M. About the uniform form of criminal proceedings and the limits of its differentiation. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1974, no. 9, pp. 50–53. (In Russ.).
2. Trubnikova T.V. Limitations to criminal procedure simplification. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2015, no. 12, pp. 131–139. DOI: 10.17803/1994-1471.2015.61.12.131-139. (In Russ.).
3. Yakimovich Yu.K. Differentiation of criminal proceedings should have reasonable limits and not lead to simplification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2014, no. 2, pp. 105–110. (In Russ.).
4. Kachalova O.V. Expedited proceedings in the Russian criminal process. Doct. Diss. Moscow, 2016. 482 p. (In Russ.).
5. Sviridov M.K., Piyuk A.V. Theoretical foundations of simplifying the forms of settlement of criminal cases by the court in the Russian Federation. Tomsk, TSU Publishing House, 2019. 348 p. (In Russ.).
6. Piyuk A.V. Theoretical foundations of simplifying the forms of settlement of criminal cases by the court in the Russian Federation: typological aspect. Doct. Diss. Tomsk, 2017. 469 p. (In Russ.).
7. Elkind P.S. Aims and means of achieving them in the Soviet criminal procedure law. Leningrad, Publishing house of the Leningrad University. 1976. 143 p. (In Russ.).
8. Arseniev V. Simplification is not equivalent to simplicity. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1975, no. 3, pp. 63–64. (In Russ.).
9. Gulyaev A. Unified order implies differentiation. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1975, no. 3, pp. 64–65. (In Russ.).
10. Yakub M.L. On the improvement of criminal procedure legislation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Pravo = Moscow University Law Bulletin*, 1964, no. 2, pp. 11–19. (In Russ.).
11. Yakub M. The procedure for criminal proceedings should be differentiated. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1975, no. 1, pp. 66–67. (In Russ.).
12. Pashkevich P. Procedural forms of criminal proceedings need to be differentiated. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1974, no. 9, pp. 54–56. (In Russ.).
13. Sviridov M.K. On the essence and grounds of differentiation of the criminal procedure, in: Volovich V.F. (ed.). *Aktualnyye voprosy gosudarstva i prava v period sovershenstvovaniya sotsialisticheskogo obshchestva*. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1987. P. 241–242. (In Russ.).

14. Yakimovich Yu.K. The structure of the criminal process: the system of stages and the system of proceedings. Basic and additional proceedings. Selected works. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr-Press Publ., 2011. 772 p. (In Russ.).
15. Trubnikova T.V. Theoretical foundations of simplified court proceedings. Tomsk, Publishing house of Tomsk University, 1999. 132 p. (In Russ.).
16. Dikarev I.S. Differentiation of the criminal procedural form and the factors determining it. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justitia*, 2013, no. 12, pp. 18–21. (In Russ.).
17. Kachalova O.V. Rationalization of criminal proceedings: the requirements of the time. *Sud'ya*, 2017, no. 4, pp. 29–33. (In Russ.).
18. Korobeev A.I. (ed.). Complete course of criminal law. Vol.I. Crime and Punishment. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr-Press Publ., 2008. 1133 p. (In Russ.).
19. Piontkovsky A.A. The course of Soviet criminal law. Common part. Vol. II. A crime. Moscow, Nauka Publ., 1970. 516 p. (In Russ.).
20. Smirnov A.M. New functions of courts arising by virtue of Part 6 Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2019, no. 12, pp. 42–45. (In Russ.).
21. Timoshenko Yu.A. Criminal Offense: way of interindustry rapprochement or differentiation of criminal liability? *Ugolovnoe pravo*, 2017, no. 4, pp. 112–115. (In Russ.).
22. Sizova V.N. Some aspects of the need to fix the category of «criminal offense» in Russian criminal law. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justitia*, 2020, no. 3, pp. 19–22. (In Russ.).
23. Kadnikov N.G. Categorization of crimes depending on their weight as a basis of creation of many institutes of the General Part of Criminal Law. *Ugolovnoe pravo*, 2017, no. 4, pp. 59–61. DOI: 10.24411/2073-0454-2018-10025. (In Russ.).
24. Naumov A.V. Criminal misdemeanor as a minor crime. *Ugolovnoe pravo*, 2017, no. 4, pp. 93–97. (In Russ.).
25. Tkachev I.O. The Russian Federation Supreme Court's legal initiative on criminal minor offences: a critical look. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*, 2018, no. 6, pp. 108–116. (In Russ.).
26. Paliy V.V. Crime and misconduct: problems of correlation. *Lex russica*, 2017, no. 7, pp. 112–124. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.128.7.112-124. (In Russ.).
27. Golovko L.V. Criminal misdemeanor Bill: imaginary meanings and real background. *Zakon*, 2018, no. 1, pp. 127–136. (In Russ.).
28. Azarov V.A. Destructive factors of the development strategy of the criminal procedure legislation of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2019, no. 33, pp. 49–59. DOI: 10.17223/22253513/33/5. (In Russ.).
29. Durmanov N.D. Crime concept. Moscow, Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1948. 311 p. (In Russ.).
30. Buranov G.K. Adequate retribution or penalized insanity? *Transportnoe pravo*, 2019, no. 4, pp. 19–23. (In Russ.).
31. Kashepov V.P.(ed). Criminalization and decriminalization as forms of transformation of criminal legislation. Moscow, IZiSP Publ., KONTRAKT Publ., 2018. 280 p. (In Russ.).
32. Naumov A.V. Russian criminal law. Course of lectures. Vol. 1. A common part. Moscow, Wolters Kluwer, 2008. 736 p. (In Russ.).
33. Alakaev A.M. The concept of crime (forms and types). Cand. Diss. Thesis. Moscow, 1992. 24 p. (In Russ.).
34. Voronin V.N. Individualization of punishment taking into account the nature and degree of public danger. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 11, pp. 113–122. DOI: 10.12737/22199. (In Russ.).
35. Kadnikov N.G. Classification of crimes in the criminal law of Russia. Doct. Diss. Moscow, 2000. 349 p. (In Russ.).
36. Nepomnyashaya T.V. The courts' consideration of general principles of imposition of punishment when choosing a sentence. *Lex russica*, 2017, no. 12, pp. 110–123. (In Russ.).
37. Ponyatovskaya T.G. Conceptual foundations of criminal law in Russia: history and modernity. Izhevsk, Publishing house of Udmurt University, 1994. 140 p. (In Russ.).
38. Ongarbaev E.A. Classification of crimes and its criminal-legal significance Cand. Diss. Thesis. Moscow, 1990. 21 p. (In Russ.).

39. Karepanov N.V. The influence of the paradigm of forensic science on law enforcement. *Pravoprimenenie = Law enforcement review*, 2020, vol. 4, no. 3, pp. 158–167. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).158-167. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боярская Александра Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: ba.omsu@gmail.com
SPIN-код РИНЦ: 6139-3134; AuthorID: 790893

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexandra V. Boyarskaya – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: ba.omsu@gmail.com
RSCI SPIN-code: 6139-3134; AuthorID: 790893

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Боярская А.В. Проблема уголовно-правового базиса особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / А.В. Боярская // *Правоприменение*. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 192–208. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).192-208.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Boyarskaya A.V. Criminal legal basis for an expedited trial procedure provided by the chapter 40 of the Russian Criminal Procedure Code. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 192–208. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).192-208. (In Russ.).